

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.1>

UDC 903'1(470.4)
LBC 63.442.7(235.47)

Submitted: 23.03.2024
Accepted: 26.09.2024

ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF THE PRE-SCYTHIAN BURIALS FROM THE VOLGA-DON INTERFLUVE

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alexander N. Dyachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper is devoted to a study of archaeological and anthropological features of the four Pre-Scythian burials from the burial grounds of the Volga-Don interfluves. *Material and Methods.* In the course of the study, materials from the monuments Marinovka, Kurgan, 1 burial 17 have been examined; Pervomaisky VII, kurgan 46, burial 8; Pervomaisky VIII, kurgan 5, burial 1 and Baranovka I, kurgan 10, burial 11. In order to evaluate the archaeological context, a typological research method and the results of radiocarbon dating are applied; for the purpose of studying anthropological features, craniological analysis and pathological conditions analysis were conducted. *Analysis and Discussion.* The study of the funeral rite and the material culture grave goods of the Pre-Scythian period made it possible to attribute the three burials to the so-called “Chernogorovsky type” and one to the “Novocherkassk type”. The dates comparison obtained by the relative chronology method with radiocarbon dating showed some underestimation of the existent burials timing in absolute dates. Individual skulls features revealed heterogeneity of composition which is associated with both the previous Late Bronze Age population from this territory who practiced the crouched position of the deceased in funeral rituals, and with newcomer groups morphologically similar to the population of the Bronze Age of Southern Siberia (Karasuk) who use elongated bones practice in the funeral rite. Furthermore, a series of the skulls pathological features showed their similarity to the population of the Sauromatian-Sarmatian period who practiced nomadic lifestyle. *Conclusions:* The materials from the monuments of the Volga-Don interfluve described in the paper illustrate the burial traditions similarity and morphological specificity of the Pre-Scythian population from the Northern Black Sea, the Lower Don and the Ciscaucasia regions.

Key words: physical type, Srubnaya culture, Pre-Scythian time, craniology, Lower Volga region, burial ground, burial, radiocarbon dating.

Citation. Balabanova M.A., Dyachenko A.N., 2024. Arheologicheskie i antropologicheskie aspekty issledovaniya pogrebeniy predskifskogo vremeni Volgo-Donskogo mezhdurech'ya [Archaeological and Anthropological Aspects of the Study of the Pre-Scythian Burials from the Volga-Don Interfluve]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 5-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.1>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Николаевич Дьяченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена обсуждению археологического и антропологического аспектов четырех погребений предскифского времени из могильников Волго-Донского междуречья. *Материалы и методы.* В процессе исследования рассматриваются материалы из памятников: Мариновка, курган 1, погребение 17; Первомайский VII, курган 46, погребение 8; Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 и Барановка I, курган 10, погребение 11. Для оценки археологического контекста используется типологический метод исследования и результаты радиоуглеродного датирования; для антропологического – краниологический анализ и анализ патологического состояния. *Анализ и обсуждение.* Изучение погребального обряда и элементов материальной культуры погребений предскифского времени позволило отнести три погребения к «черногоровскому» типу и одно – к «новочеркасскому». Сопоставление дат, полученных методом относительной хронологии, с радиоуглеродными датами показало некоторое занижение времени существования погребений в абсолютных датах. Индивидуальная характеристика черепов выявила неоднородность состава, которая связана с компонентами как предшествующего позднебронзового населения этой территории, практиковавшего в погребальной обрядности скорченное положение умершего, так и с пришлыми группами, морфологически сходными с населением эпохи бронзы Южной Сибири (карасукским), практиковавшими вытянутое положение погребенных. Комплекс признаков патологического состояния черепов показал их сходство с населением савромато-сарматского времени, являющимся по хозяйственному типу кочевниками. *Выводы.* Описанные в статье материалы памятников Волго-Донского междуречья иллюстрируют сходство погребальных традиций и морфологическую специфику населения предскифского времени Северного Причерноморья, Нижнего Дона и Предкавказья.

Ключевые слова: физический тип, срубная культура, предскифское время, краниология, Нижнее Поволжье, могильник, погребение, радиоуглеродное датирование.

Цитирование. Балабанова М. А., Дьяченко А. Н., 2024. Археологические и антропологические аспекты исследования погребений предскифского времени Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.1>

Введение

Начало раннего железного века в Восточно-Европейских степях принято обозначать как «предскифский период», его дата определена в границах IX–VII вв. до н.э. По результатам многолетних исследований была выделена «киммерийская» археологическая культура, название которой является условным, но оно широко используется специалистами, историками и археологами. Для Северного Причерноморья и Северного Кавказа эта культура соотносится с предскифским населением, фигурировавшим в античных и вос-

точных источниках под этнонимом «киммерийцы» [Дударев, 1999; Лукьяшко, 1999; Потапов, 2000; Махортых, 2005; и др.].

Если в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе памятники предскифского времени представлены массовым материалом, то в памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья эта эпоха отражена относительно слабо. Работ, посвященных комплексам указанного времени, не так много, а имеющиеся зачастую носят характер предварительных публикаций.

За последние 30–50 лет на территории Волго-Донских степей было открыто около

двух десятков подкурганых захоронений, датирующихся предскифским временем (IX–VII вв. до н.э.). Вместе с выявленными ранее, хорошо известными предскифскими погребениями они составляют представительную источниковую базу памятников так называемого переходного периода. В то же время остается нерешенным ряд проблем, связанных с интерпретацией памятников этого времени. Дискуссионными являются вопросы происхождения степного предскифского археологического комплекса (именуемого иногда «киммерийским»), соотношения погребений «черногоровского» и «новочеркасского» типов и, наконец, хронологии погребений указанного периода. Последнее осложняется малым количеством радиоуглеродных дат, что особенно актуально для нижневолжских памятников в целом.

В представленной статье анализируется археологический и антропологический материал четырех погребений предскифского времени, обнаруженных при раскопках курганных могильников Мариновка (кург. 1, погр. 17), Первомайский VII (кург. 46, погр. 8), Первомайский VIII (кург. 5, погр. 1) и Барановка I (кург. 10, погр. 11). Обозначенные объекты археологии располагались на территории Волгоградской области, в северо-восточной и южной частях Волго-Донского междуречья, на береговых и водораздельных участках, приуроченных к донскому левобережью (рис. 1, 1). Их исследование было проведено в 70–90-е гг. прошлого века, по результатам которых были сделаны предварительные публикации, носившие в основном описательный характер.

В 2022 г. для указанных погребальных комплексов были получены радиоуглеродные даты, выполненные в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН. В этой связи появилась возможность уточнения их культурной принадлежности, корректировки хронологии в свете современных тенденций радиоуглеродного датирования памятников предскифского времени степной Евразии, а также морфологического анализа краниологической серии и определения патологических состояний костных останков.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования являются четыре погребения, относящиеся к предскифскому времени, их археологические и антропологические составляющие, а также имеющиеся радиоуглеродные даты. При исследовании материалов погребений и их археологической атрибутики использовалась общепризнанная типологическая методика с применением метода датированных аналогий.

Относительная датировка комплексов сопоставлялась с датами, полученными по результатам радиоуглеродного анализа. Принципы радиоуглеродного датирования подробно приводятся в статье Э.П. Зазовской [2016]. Соответствующие работы были проведены в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН под руководством Э.П. Зазовской [2022].

Половозрастная диагностика и индивидуальная краниологическая характеристика черепов проводились на основе принятых в отечественной антропологии методик. Измерительная и описательная программа состояла из более чем 90 признаков [Алексеев, Дебец, 1964; Рогинский, Левин, 1978; Козинцев, 1988; Мовсесян, 2005].

Индивидуальные значения краниометрических, краниоскопических и признаков патологического состояния впервые вводятся в научный оборот. Краниологические измерения представлены в таблице 1, а фото черепов – на рисунках 4–6.

Анализ и обсуждение результатов

Археологический контекст

Могильник Мариновка, курган 1, погребение 17. Могильник располагался в окрестностях с. Мариновка Калачевского района Волгоградской области. Раскопки проведены в 1978 г. Приволжским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В.И. Мамонтова [Мамонтов, 1983]. Предскифское погребение 17 было впущено в центральную часть кургана, совершено в подбойной могиле, ориентированной продольной осью по линии З – В. Скелет взрослого человека лежал на дне под-

боя на спине с подогнутыми ногами, черепом ориентирован на восток, правая рука согнута в локте, левая вытянута. Под костяком отмечены остатки органической подстилки (рис. 1,2).

В могиле погребенного сопровождали следующие предметы.

1. Короткий бронзовый однолезвийный нож с горбатой спинкой, лежащий на ребрах левой стороны туловища. Длина – 4,8 см, длина черенка – 1,4 см (рис. 1,10).

2. Бронзовые обкладки какого-то деревянного предмета, возможно сосуда, находились в районе правого плеча и головы погребенного; края загнуты, на концах отмечены узкие отверстия, сквозь которые тонкими гвоздиками обкладки крепились к деревянной основе (рис. 1,3–5,8).

3. Бронзовый перстень с овальным щитком, обнаруженный у локтевого сгиба правой руки, концы обломаны (рис. 1,7).

4. Необработанный обломок кремня, покрытый трещинами, найденный у южной стенки подбоя.

5. Альчик барана – у левого плеча погребенного.

6. Небольшой фрагмент горловины сероглиняного сосуда, находившийся рядом с предплечьем правой руки, венчик слегка отогнут наружу, в тесте отмечена толченая ракушка (рис. 1,6).

7. Кости барана в сочленении (тазовая кость и часть ноги) – около левого плеча погребенного.

Автор раскопок соотносил это погребение с «киммерийским хронологическим пластом» и датировал его VIII–VII вв. до н.э. [Мамонтов, 1983, с. 160].

Могильник Первомайский VII, курган 46, погребение 8. Могильник располагался в 7,5 км к ЮЮЗ от пос. Первомайский Калачевского района Волгоградской области на мысовом выступе левого берега Дона (Цимлянское водохранилище). Курган 46 находился в западной части могильника. Его раскопки проведены Донской экспедицией Волгоградского педагогического университета под руководством В.И. Мамонтова в 1995 г. [Мамонтов, 2000].

Предскифское погребение 8 впускное, совершено в прямоугольной яме, ориентиро-

ванной продольной осью по линии ЗСЗ – ВЮВ. Скелет мужчины лежал на левом боку в скорченном положении, черепом ориентирован на ЗСЗ. Левая рука вытянута к бедрам; правая рука, вероятно, была согнута в локте (плечевая кость не сохранилась), ее предплечье лежало на поясничном отделе позвоночника. Ноги согнуты в коленях под острым углом (рис. 2,1).

Погребенного сопровождали следующие предметы.

1. В ногах – небольшой лепной сосуд, имевший реповидное тулово с коротким прямым горлом и плоское дно с выделенной закраиной. В тесте отмечена примесь битой ракушки. Высота сосуда – около 10 см (рис. 2,3).

2. За головой погребенного – развал крупного лепного сероглиняного сосуда, имевшего вазообразное тулово с высоким горлом (венчик утрачен в древности) и плоское неширокое дно. Сосуд орнаментирован врезным геометрическим узором, состоящим из круговой прочерченной линии и горизонтального ряда треугольников у основания горловины, широких круговых зигзаговидных полос в средней части тулова; треугольники и полосы заполнены косыми тонкими линиями, тулово местами подлощено, в тесте отмечена примесь песка, на внутренних стенках – налет от остатков пищи, высота сосуда – 28 см (рис. 2,4).

3. В грунтовом выбросе найден фрагмент окончания бронзовых стремевидных удил длиной 3,7 см (рис. 2,2).

Автор раскопок относил данное погребение к «киммерийскому периоду» и датировал его VIII–VII вв. до н.э. [Мамонтов, 2000, с. 82–83].

Могильник Первомайский VIII, курган 5, погребение 1. Могильник располагался в 2 км к ЮЮЗ от пос. Первомайский Калачевского района Волгоградской области на целинном участке левобережной террасы Цимлянского водохранилища. Раскопки проведены Приволжским отрядом ЛОИА АН СССР и Донской экспедицией Волгоградского педагогического института под руководством В.И. Мамонтова в 1987 и 1990 гг. [Мамонтов, 2001].

Погребение 1 предскифского времени было обнаружено в кургане 5. Погребение основное, совершено в небольшой яме подтреугольных очертаний. Скелет мужчины 40–

45 лет лежал скорченно на левом боку, черепом на запад. Слегка согнутые в локтях руки вытянуты перед туловищем к бедрам, кисти сведены вместе. Ноги сильно согнуты в коленях, ступни прижаты к тазу (рис. 2,5).

Под левой частью грудной клетки обнаружен бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы длиной 3,7 см. Перо ромбовидное, по нему проходит валик, переходящий во втулку (рис. 2,6).

Автор раскопок датировал наконечник стрелы, как и весь комплекс, «новочеркасским» этапом предскифского периода [Мамонтов, 2001].

Могильник Барановка I, курган 10, погребение 11. Могильник располагался на правом берегу р. Иловли (левый приток Дона) близ пос. Петров Вал и с. Барановка Камышинского района Волгоградской области. Раскопки кургана 10, самого крупного в могильнике, проведены в 1989 г. экспедицией Волгоградского госуниверситета под руководством И.В. Сергацкова [1991].

Погребение 11, датируемое предскифским временем, было впущено в центральную часть кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы, продольной осью ориентирована по линии 3 – В. В заполнении встречены остатки деревянного перекрытия и камни. На дне вытянуто на спине лежал скелет мужчины 35–40 лет, черепом на запад. Погребальный инвентарь сконцентрирован в юго-западном углу ямы, у правого плеча погребенного (рис. 3,1).

В вещевой набор входили следующие предметы.

1. Бронзовые длинновтульчатые наконечники стрел с ромбовидной головкой (рис. 3,2–13); два железных наконечника стрел, один из которых со штыревидной головкой, другой – втульчатый двухлопастной с ромбовидной головкой (рис. 3,14,15); четыре костяных наконечника, квадратных в сечении, с внутренней втулкой (рис. 3,22, 23); три деревянных заточенных древка без наконечников и фрагмент деревянного штырька с кольцевым желобком, возможно также являющийся древком стрелы (рис. 3,16,21,24–26); все наконечники и древки находились в кожаном колчане, сохранившемся во фрагментах.

2. Рядом с колчаном вертикально стоял роговой стержень с тремя вырезанными рельефными кольцевыми поясками, украшенными врезными концентрическими кругами; вверху стержня находилась петля, на нижнем заостренном конце были проточены семь продольных желобков, а поверх надеты два съемных костяных кольца, также орнаментированных врезными кругами, орнамент заполнен красной краской (рис. 3,17–19).

3. Рядом со стрелами острием на запад лежал железный наконечник копья с пером лавровидной формы, продольным ребром и остатками древка во втулке, общая длина наконечника – 32 см (рис. 3,20).

Автор раскопок соотносил данное погребение с историческими киммерийцами и датировал его VIII – началом VII вв. до н.э., в рамках «новочеркасского» этапа предскифского периода [Сергацков, 1991, с. 243].

Какое же место занимают представленные комплексы в системе предскифских древностей степной полосы и какова корреляция их относительной хронологии с имеющимися абсолютными датами?

Почти все публикуемые погребения, как и большинство синхронных с ними, впущены в курганы бронзового века, как правило – в центральные части курганных насыпей. Исключение составляет погребение 1 в кургане 5 могильника Первомайский VIII, являющееся основным. Могильные конструкции типичны, преобладают простые подпрямоугольные ямы. Позиция погребенных самая разная – от положения скорченно и полускорченно на боку с ориентировкой головой на восток или на запад до положения вытянуто на спине с преобладающей ориентировкой на запад.

Исходя из форм могильных сооружений, особенностей погребального обряда и сопутствующего инвентаря, культурно-хронологическая интерпретация публикуемых археологических комплексов представляется достаточно очевидной.

Первые три погребения выборки (могильники Мариновка, Первомайский VII и VIII) хорошо вписываются в круг древностей так называемой черноговровской культуры, представляющий ранний этап предскифского периода, охватывающий широкие простран-

ства степной Евразии во временных границах последней трети IX – VIII в. до н.э.

Более ранними, на наш взгляд, являются погребение 1 кургана 17 могильника Мариновка и погребение 8 кургана 46 могильника Первомайский VII. Они соотносимы с известными раннечерногоровскими погребальными комплексами так называемой северо-восточной зоны черногоровских погребений [Вальчак и др., 1996; Потапов, 2000; Дубовская, 1994]. В мариновском погребении зафиксирована достаточно архаичная и редко встречаемая в нижневолжских памятниках подбойная форма могильного сооружения, в которой погребенный покоится в полускорченном положении, головой на восток, что для погребений предскифского времени считается относительно ранним признаком [Дворниченко, 1982; Лукьяшко, 1999, с. 129–144]. В сопровождающем инвентаре этого погребения также присутствуют характерные для ранних комплексов предскифского времени предметы: бронзовые обкладки или оковки деревянного сосуда (?), короткий бронзовый нож с горбатой спинкой типа «камышеваха», кости животных. Погребение 8 кургана 46 могильника Первомайский VII с положением погребенного скорченно на боку головой в западную сторону также отнесено к раннечерногоровским захоронениям. Здесь ярким хронологическим репером является фрагмент бронзовых удил со стремевидным окончанием и гладким стержнем. Данный тип удил один из самых ранних и самых распространенных в предскифское время, встречается в черногоровских комплексах как на западе степной Евразии, так и на востоке [Тереножкин, 1976, с. 49, 54; Вальчак и др., 1996; Вальчак, 2009, с. 92–94]. Отметим, что целое звено аналогичных бронзовых удил найдено в насыпи кургана 12 того же могильника, над погребением 8, атрибутированным автором раскопок как «киммерийское» [Мамонтов, 2000, с. 15, рис. 19, 16].

Интересна керамическая посуда из погребения 8 кургана 46, обнаруживающая близкие аналоги в инокультурных погребальных памятниках. Речь идет о лепном реповидном горшке на поддоне и вазообразном сосуде типа «корчага» с врезным геометрическим орнаментом на тулове (рис. 2, 3, 4). Форма и структура глины, а также приемы лощения и

орнаментации этих сосудов не имеют аналогов в местной нижневолжской керамике предшествующего периода поздней и финальной бронзы. В то же время прототипы и полные соответствия нашей керамике хорошо известны в поселенческих материалах финальной бронзы Северного Причерноморья и предскифского периода Нижнего Подонья, в частности в керамическом комплексе белозерской и кобьяковской культур [Ванчугов, 1982; Шарафутдинова, 1980, с. 8, 9, табл. XVIII].

Вероятно, не позднее рубежа IX–VIII вв. до н.э. указанный тип керамики распространяется в степях Подонья и Нижнего Поволжья, в известной степени маркируя направленность культурогенетических процессов.

Более позднюю позицию в выборке черногоровских погребений занимает погребение 1 кургана 5 могильника Первомайский VIII. Позиция погребенного, его ориентировка головой в западную сторону (признак, характерный для поздних черногоровских и новочеркасских погребений), а также наличие в инвентаре бронзового ромбовидного наконечника стрелы с удлиненной втулкой – все это отодвигает дату этого погребения к середине – третьей четверти VIII в. до н.э. [Тереножкин, 1976, с. 192, 193; Потапов, 2000, с. 11–12].

Таким образом, наиболее приемлемый хронологический интервал для черногоровских погребений выборки – конец IX – первая половина VIII в. до н.э., со смещением верхней даты погребения из Первомайского VIII во вторую половину VIII в. до н.э.

Как отмечалось выше, для публикуемых погребений недавно были получены радиоуглеродные даты, выполненные в Институте географии РАН [Зазовская, 2022].

Усредненные вероятные даты черногоровских погребений (по $\sigma 2$) выглядят следующим образом:

Первомайский VII, курган 46, погребение 8 – 821 г. до н.э.

Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 – 827 г. до н.э.

Мариновка, курган 1, погребение 17 – 869 г. до н.э.

В целом эти даты соответствуют археологической хронологии, проведенной на основе сравнительно-пространственного анализа. Вызывают лишь некоторые вопросы занижен-

ные временные показатели комплексов из Первомайского VIII и Мариновки. В то же время, учитывая тенденции к удревнению предскифского периода, что может быть связано с постоянной корректировкой калиброванных значений, эти даты вполне могут быть корректными [Зазовская, 2016].

Позднейший этап предскифского (предсавроматского) времени в наших материалах представляет погребение 11 кургана 10 могильника Барановка I (рис. 3), совершенно справедливо автором раскопок отнесенное к кругу памятников новочеркасского типа [Сергацков, 1991]. Яркий вещевой комплекс этого погребения, безусловно, отражает этнокультурные связи с населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа в предскифское время. Элементы обряда и вещевой материал барановского захоронения находят многочисленные аналогии в степных памятниках Восточной Европы, датирующихся предскифским или «киммерийским» временем [Сергацков, 1991, с. 241–243]. В то же время погребальный инвентарь этого комплекса – бронзовые, костяные и железные наконечники стрел, наконечник железного копья и заостренный роговой стержень, интерпретированный О.Р. Дубовской как рукоятка плети-нагайки [Дубовская, 1989; 1997, с. 58–59], демонстрирует его воинский характер, указывая направление возможных вторжений киммерийских военных формирований.

Дату барановского погребения автор первой публикации помещает в широкие временные границы VIII – начала VII в. до н.э. [Сергацков, 1991, с. 243]. В целом, соглашаясь с указанной хронологией, отметим, что полученная радиоуглеродная дата несколько удревняет это погребение, определяя его в диапазоне 783–780 гг. до н.э. (по σ_2), то есть в границах первой четверти VIII в. до н.э. Допуская хронологический «перехлест» новочеркасских погребальных памятников с черноморовскими, мы все-таки относим барановское погребение 11 к более позднему времени по сравнению с черноморовскими погребениями представленной выборки. Вероятный временной интервал погребения 11 из кургана 10 могильника Барановка I, с учетом современных тенденций в радиоуглеродном датировании опорных степных памятни-

ков предскифского времени, – вторая половина VIII в. до н.э.

Что касается соотношения черноморовских и новочеркасских археологических комплексов, то для нижневолжского региона черноморовский культурный тип представляется четко выраженным и относительно консолидированным, с устоявшимся набором культурообразующих элементов. Сменивший его новочеркасский культурный тип (возможно, какое-то время сосуществующий с первым) предстает явлением разобленным и аморфным. Региональные новочеркасские памятники чаще всего представлены либо случайными единичными находками, иногда в виде распаханых безкурганых комплексов или кладов престижных вещей, либо невнятными погребениями без четких хронологических привязок. В этом отношении погребение из Барановки I является уникальным, не имеющим аналогов в нижневолжских памятниках. Его материалы демонстрируют неординарный статус погребенного и явно привнесенный со стороны милитаризованный характер всего вещевого комплекса.

Индивидуальная характеристика черепок

Курганный могильник Мариновка, курган 1, погребение 17 (инв. № ВолГУ: 36–22, табл. 1,3, рис. 4). Череп хорошей сохранности, при определении пола был выделен комплекс признаков полового диморфизма, что позволило определить его как мужской. В этот набор входила относительная общая его массивность; сильно наклонный лоб; хорошо развитый лобный рельеф с крупными надбровными дугами и сосцевидными отростками; мощный наружный затылочный бугор и др. [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–39]. Затылочная область уплощенная, возможна непреднамеренная искусственная деформация (?).

При определении возраста принималось во внимание общее физическое состояние черепа на момент смерти, которое включало сочетание степени стертости зубов и облитерации черепных швов. Их состояние позволило определить биологический возраст мужчины в пределах 25–35 лет. Несмотря на это, отмечается преждевременная полная облитерация

черепных швов как со стороны эндокрана, так и снаружи; степень стертости зубов по всем методическим пособиям не позволяет определить возраст мужчины старше 30–35 лет.

По набору краниометрических признаков череп крупный, средней длины и узкий, по указателю долихокранный [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–117]. Черепной свод высокий от базион-брегма и средней высоты от порион-порион, по указателям гипсикранный и акрокранный. Основание черепа длинное и широкое. Вид черепа сверху ближе к овоидной форме. Рельеф на черепе развит выше среднего. У него очень массивные надбровные дуги и сосцевидные отростки.

Лобная кость широкая в наименьшей части и средней ширины в наибольшей. Угол поперечного изгиба лба резкий, а угол профиля от назион-метопион меньше 80° , что классифицирует лоб как покатый [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. Хорда и дуга лобной кости средней длины. У теменной кости хорда и дуга короткие. Затылочная кость широкая, с короткой хордой и длинной дугой.

Лицевой скелет крупный, высокий и широкий по скуловой и верхней ширине, среднеширокий в средней части. Горизонтальная профилировка лица на обоих уровнях резкая, а вертикальная – ортогнатная. Альвеолярная дуга длинная и среднеширокая, а небо узкое и длинное. Нос мезоморфный и по высоте, и по ширине, и по пропорции (мезоринный). Нижний край грушевидного отверстия сформирован по типу предносовые ямки. Передненосовая ость длинная. Глазницы очень широкие и низкие, и по абсолютной ширине, и по указателю хамэконхные. Переносье и носовые кости среднеширокие и очень высокие. Угол выступания носа очень большой. По глубине клыковой ямки наблюдается асимметрия, несмотря на то что оба размера попадают в малые величины: слева – 2,5, справа – 4,2 мм.

Из эпигенетических признаков на черепе следует отметить наличие надглазничных, теменных, сосцевидных и заднемышечковых отверстий, отверстий на скуловых костях, а также двусоставные затылочные мышелки, подглазничный узор, сформированный по типу I с обеих сторон; кость астерион с двух сторон и III тип небного шва [Мовсесян, 2005; Козинцев, 1988, с. 73–75, 103].

Из аномалий на черепной коробке следует выделить незначительные остеомы на теменных костях.

Из патологий Е.В. Перерва [2018] отмечает наличие S-образного искривления носовой перегородки, которое могло возникнуть в результате прижизненной травмы.

Курганный могильник Первомайский VII, курган 46, погребение 8 (инв. № ВолГУ: 17–108, табл. 1,1, рис. 5). Определение пола по черепу индивида, погребенного в этом комплексе, вызвало некоторое сомнение. Комплекс признаков полового диморфизма представлен нечетко. Несмотря на это, пол был определен предположительно как женский. Об этом свидетельствует как относительная общая грацильность черепа и сглаженность рельефа, так и отдельно взятые признаки, сформированные по женскому типу [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–39]. Общее физическое состояние черепа на момент смерти, а также состояние степени стертости зубов и облитерации черепных швов – все это позволяет определить возраст в пределах 25–30 лет.

В процессе реставрационных работ череп удалось собрать почти полностью, за исключением левой скуловой кости, глазничной и носовой областей левой верхнечелюстной кости, которые отсутствовали

Череп длинный и широкий, по указателю брахикранный [Алексеев, Дебец, 1964, с. 118–122]. Его свод высокий по обоим высотным размерам (17 и 20), основание крупное, длинное и широкое. Вертикальная норма черепа ближе к пентагоноидной форме. Рельеф на черепе развит слабо, кроме надпереносья и передненосовой ости, которые развиты выше среднего. Лобная кость средней ширины по наименьшей ширине и широкая по линии стефанион-стефанион, угол ее перегиба по линии фронтотемпоральных точек резкий. Вертикальная профилировка лба по линии назион-метопион почти прямая [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. У всех трех костей – лобной, теменной и затылочной – хорда и дуга длинные. Ширина затылка большая.

Лицевой скелет широкий по всем трем признакам: по скуловой, верхней и средней ширине. Высота лица большая с умеренной горизонтальной профилировкой на уровне глазниц. Вертикальный профиль лица ортогнатный.

Альвеолярная дуга короткая и широкая, а небо – широкое и длинное. Нос среднеширокий и высокий с антропной формой грушевидного отверстия, мезоринный по пропорции. Передненосовая ось по Брока достигает 3 баллов. Размеры орбиты приводятся по правой стороне, которая мезоморфного строения как по абсолютным размерам, так и по указателю (мезоконхная). Переносье и носовые кости узкие и высокие, умеренно выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка глубокая.

Нижняя челюсть достаточно грацильная и по многим размерам попадает в категорию малых величин, кроме мышечковой ширины, которая большая, угловой и передней ширины, которые средних размеров.

Из эпигенетических признаков на черепе следует отметить преждевременную облитерацию черепных швов, отсутствие надглазничного отверстия с обеих сторон, наличие теменных отверстий с обеих сторон, дополнительных косточек в лямбдовидном и затылочно-сосцевидном (справа) швах, отверстия на скуловых костях (справа) и подглазничный узор, сформированный по типу I, справа [Мовсесян, 2005; Козинцев, 1988].

Из аномалий на черепной коробке следует выделить наличие на правой теменной кости в области теменного бугра небольшой остеомы размером 4×3 мм и незначительные ореховидные вздутия на верхней и нижней челюстях. На нижней челюсти с правой стороны между клыком и первым премоляром наблюдается диастема шириной около 4 мм, там же зафиксирована гиподонтия 3-го моляра (зуб не вырос).

Курганный могильник Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 (инв. № ВолГУ: 17–104; табл. 1, 2, рис. 6). При определении пола по черепу индивида, погребенного в этом комплексе, не вызывала сомнения его принадлежность к мужскому полу, о чем свидетельствует как относительная общая его массивность, так и отдельно взятые признаки, сформированные по мужскому типу. Комплекс признаков полового диморфизма четко представлен [Алексеев, Дебеч, 1964, с. 29–39].

Для определения возраста рассматривалось общее физическое состояние черепа на момент смерти. Состояние степени стертости зубов и облитерации черепных швов

позволяет определить возраст мужчины – около 50 лет.

Череп длинный и среднеширокий, по указателю долихокранный [Алексеев, Дебеч, 1964, с. 114–117]. Его ушная высота средняя, а основание черепа широкое. Вертикальная норма черепа ближе к эллипсоидной форме. Рельеф на черепе развит средне, кроме надпереносья, которое хорошо развито.

Лобная кость средней ширины по общим размерам, ее горизонтальная профилировка по линии фронтотемпоральных точек слабая, вертикальная профилировка по углу профиля лба от назион-метопион покатая [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. Лобная хорда средней длины, а дуга короткая. У теменной кости хорда и дуга средней длины. Затылочная кость широкая с короткой хордой и среднелонной дугой.

Лицевой скелет по скуловой ширине попадает в категорию очень больших величин, а по верхней и средней ширине – в большие. Высота лица средняя с ослабленной горизонтальной профилировкой на уровне глазниц и резкой профилировкой на среднем уровне. Вертикальный профиль лица мезогнатный. Альвеолярная дуга длинная и широкая, а небо средней длины. Нос средневысокий и очень широкий как по абсолютной ширине, так и по носовому указателю (платиринный). Нижний край грушевидного отверстия имеет форму преднососовые ямки. Орбита очень широкая, средняя по абсолютной высоте и низкая по указателю (хамэконхная). Переносье узкое и высокое, а носовые кости средней ширины и высокие, резко выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка средней глубины.

Большая часть размеров нижней челюсти укладывается в среднемировые значения, кроме большой длины ее от мышечков и высоты симфиза, а также малой толщины тела.

Из дискретно-варьирующих признаков на черепе присутствуют: надглазничные отверстия; дополнительные косточки в венечном (os Wormii suture coronalis) и сагитальном швах («os suture sagittalis»), располагаясь ближе к лобной кости; в затылочном шве «os apices Lambdae», а также множественные кости «os Wormii sut. Lambdoidea». Подглазничный узор сформирован по типу II [Козинцев, 1988, с. 75]. На правой половине лобной кости

в 17 мм от венечного шва и в 12 мм от лобного гребня присутствует остеома овальной формы, длинной осью ориентированная по стреловидному шву размером 11 × 8 мм.

Курганный могильник Барановка I, курган 10, погребение 11 (инв. № ВолГУ: 2–9; табл. 1, 4). Череп плохой сохранности. В процессе реставрации удалось собрать мозговую капсулу и часть лицевого скелета. К тому же на черепе заметна левосторонняя по смертная деформация, которая в какой-то степени исказила большую часть признаков мозгового отдела черепа, в таблице они даются под вопросом. Несмотря на плохую сохранность, на черепе присутствуют признаки, которые позволяют его диагностировать как мужской. Об этом же свидетельствуют находки в погребении, которые определяют его статус как воинский [Сергацков, 1991]. Степень зарастания черепных швов в сочетании со степенью стертости зубов позволяет определить биологический возраст мужчины на момент смерти в пределах 20–30 лет.

По тотальным размерам мозговой коробки череп средней длины и широкий, с низким сводом; по пропорциям – брахикранный, хамэкранный и тапейнокранный. Видимо, из-за молодого возраста места прикрепления мышц слабо прослеживаются, а рельеф сглажен, кроме среднеразвитого наружного затылочного бугра и сосцевидных отростков. Вид черепа сверху – сфеноидный, основание черепа широкое. Лобная кость широкая по наименьшей ширине и узкая по наибольшей. Ее профилировка по линии фронтотемпоральных точек плоская. У теменной кости дуга средней длины, а хорда длинная. Затылочная кость очень широкая, ее дуга и хорда средней длины.

Лицевой скелет средневысокий и широкий по верхней ширине. Альвеолярная дуга средней длины и широкая, небо тоже широкое, а нос узкий с антропинной формой нижнего края грушевидного отверстия.

Всего работ, посвященных краниологии ранних кочевников IX–VII вв. до н.э., четыре [Балабанова, 2005; Балабанова, Пилипенко, 2023; Батиева, 2011; Круц, 2017]. Тем не менее была выделена антропологическая специфика данного населения, которая отличается, прежде всего, внутригрупповой неоднородностью. С.И. Круц ее связала с культурными

традициями при изучении серии из Северного Причерноморья [2017, с. 85–91].

По мнению этого автора, «черногоровский вариант», сочетающий мезодолихокефальный тип с резким лицевым горизонтальным профилем, имеет аналогии с типом скифов Нижнего Поднепровья и с населением поздней бронзы Закавказья. Что касается местных срубных и белозерских племен, то с ними связи не обнаруживаются.

«Новочеркасский вариант» резко отличается от черногоровского и сочетает мезобрахикефалию с широким лицом. Он обладает морфологическим сходством с позднекатакомбными племенами, с «таврским населением» Крыма, с карасукским и ближневосточным населением.

Серия предскифского времени из могильников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона также неоднородна, выделяется как минимум три компонента, которые образуют полиморфизм населения [Балабанова, 2005, с. 159–170].

Первый компонент сочетает долихокранию с резкими европеоидными чертами средиземноморского облика и имеет аналогии с позднебронзовым субстратом, племенами срубной культурно-исторической общности.

Второй – брахикранный, с незначительной или существенной уплощенностью лицевого скелета на верхнем уровне. Данное сочетание признаков встречается в сериях эпохи бронзы Сибири: у карасукского населения Минусинской котловины и андроновского (федоровского) населения Минусинской котловины, Восточного Казахстана и др.

Третий компонент – массивный мезокранный тип в сочетании с крупными чертами лицевого скелета. Он также встречается в сериях эпохи бронзы Сибири.

Кроме того, в работе [Балабанова, 2005] была отмечена связь морфологического типа с погребальными традициями. В серии со скорченным положением костяка преобладал мезо-долихокранный европеоидный тип; в серии с вытянутым положением костяка – мезобрахикранный вариант с тенденцией к уплощению горизонтального лицевого профиля на верхнем уровне. Последний тип впоследствии у населения савромато-раннесарматской эпохи будет преобладающим.

Е.Ф. Батиева [2011, с. 20–25], изучившая серию из 9 черепов предскифского времени Нижнего Дона, пришла к выводу, что они отличаются от черепов черногоровского варианта Украины. Эта серия характеризуется более широкой мозговой коробкой и лицом, которое уплощенное в горизонтальной плоскости, а нос слабее выступает. Сходство нижнедонской серии она находит с сериями ранне- и среднебронзового века Подонья, Поволжья и Украины. Отмечает почти полное отсутствие какой-либо связи как с населением срубной, так и с населением кобанской и кобяковской культур. Кроме того, автор указывает на сходство их с сериями, которые могли иметь отношение к киммерийской истории («тавры Крыма» и карасукское население).

Таким образом, все три автора отмечают возможное влияние карасукского населения на формирование антропологического облика населения предскифского времени Восточно-Европейских степей. Эта гипотеза получила подтверждение и в недавнем нашем исследовании [Балабанова, Пилипенко, 2023, с. 15]. Морфологические аналогии наблюдаются с той частью населения, которая практиковала обряд погребений с вытянутыми костяками. Данный обряд не встречался в могильниках поздней бронзы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, но имел место в карасукской культуре. К тому же современные разработки хронологии и периодизации памятников как карасукской культуры, так и ранних кочевников IX–VII вв. до н.э. Южного Приуралья и Нижнего Поволжья не противоречат этому, так как верхняя дата карасукской культуры (IX в. до н.э.) является нижней датой предскифского периода.

Сочетание брахикранного типа с ослабленной горизонтальной профилировкой на верхнем уровне и вытянутое положение костяка в погребении встречаются и в исследуемой группе черепов. В серии из четырех черепов два черепа имеют брахикранную форму и два долихокранную. Как мужской, так и женский череп брахикранной формы имеют большие размеры поперечного диаметра. Долихокранные формы были определены на двух мужских черепах, один из которых имел длинную и среднеширокую мозговую коробку (Первомайский VIII, курган 5, погребение 1), а вто-

рой (Мариновка, курган 1, погребение 17) среднелиннкую и узкую. Череп из могильника Барановка I, курган 10, погребение 11 был с низким сводом, а из погребения 8 кургана 46 могильника Первомайский VII и погребения 17 кургана 1 могильника Мариновка – с высоким.

Что касается лицевого отдела черепа, то все черепа имеют широкое и высокое лицо, кроме черепа из могильника Барановка I. На двух из трех черепов горизонтальный профиль на уровне глазниц уплощенный. Несмотря на это, переносье и носовые кости высокие, а угол носа выступает резко к линии профиля. Только на женском черепе профиль носа средний. Таким образом, почти все черепа демонстрируют некоторую специфику по набору признаков, характерных для савромато-раннесарматской эпохи [Балабанова, 2018, с. 40–48; Китов, Мамедов, 2014, с. 160–166].

Палеопатологическое обследование населения предскифского времени с территории Восточно-Европейских степей проводил Е.В. Перерва [2018, с. 87; 2022, с. 12]. В процессе исследования удалось установить, что по частоте встречаемости маркеров стресса население Нижнего Поволжья IX–VII вв. до н.э. близко группам савроматского и сарматского времени с этой же территории.

Основными характеристиками исследуемой группы по комплексу патологических состояний зубочелюстной системы являются высокие показатели встречаемости зубного камня, пародонтоза и сколов эмали. Серия также характеризуется отсутствием кариеса [Перерва, 2018, с. 84]. Данный набор признаков указывает на то, что рацион исследуемых индивидов базировался на диете, богатой белком (мясомолочный комплекс). Кроме того, автор отмечает наличие в серии гормональных нарушений в виде следов лобного гипертостоза, а также маркеров холодового стресса, следы дегенеративных изменений и, что очень важно, у четырех мужчин наличие патологического комплекса, связанного с верховой ездой (комплекс всадничества). Еще одной специфической особенностью группы является наличие на трех черепах доброкачественных образований в виде костных остеоидов, различных по размерам и локализации, а также у двух индивидов на нижней челюсти

обнаружены ореховидные вздутя – «*torus mandibularis*».

Основные выводы

Начало I тыс. до н.э. стало важнейшей эпохой в жизни населения степной Евразии. Главное содержание этой эпохи – окончательный переход к кочевничеству и утверждение нового хозяйственно-культурного типа, основанного на подвижных формах скотоводства. Это было время распада старых культурных связей, уходящих своими корнями в позднебронзовый век, и становления новых направлений связи и развития для скотоводческих популяций, обитающих в одинаковых географических условиях. Не случайно этот сложный период, предшествующий утверждению культур скифо-сарматского облика в степной Евразии, К.Ф. Смирнов назвал *переходным* [1964, с. 26–33].

Почти все представленные археологические материалы, как и большинство открытых в предшествующее время комплексов предскифского времени на территории Нижнего Поволжья и граничащих с ним соседних регионов, рассматриваются в рамках черноротовской культуры РЖВ. Как известно, формирование этого феномена протекало на широкой этнокультурной основе, с участием разных групп населения юга Восточной Европы [Потапов, 2000; Лукьяшко, 1999]. О многокомпонентном характере культуры предскифского времени исследуемого региона свидетельствуют не только археологические матери-

лы (формы могильных сооружений, варианты труположения, вещевой комплекс), но и данные палеоантропологических исследований.

Существование различных антропологических типов, наряду с разнообразием основных элементов погребального обряда, может свидетельствовать об участии самых разных этнических групп и объединений в формировании населения предскифского времени и на территории Нижнего Поволжья [Балабанова, 2005].

Антропологический материал, представленный в работе, позволяет отметить специфику населения, которая не выпадает из общего контекста и предполагает наличие пришлого компонента. Он становится преобладающим в последующую савроматскую эпоху и имеющим аналогии с южносибирскими антропологическими формациями.

Зафиксированные различные индикаторы специфического и эпизодического стресса, комплекс патологий зубочелюстной системы, отсутствие следов распространения инфекций и кариеса, наличие маркеров холодного стресса и неполный набор признаков, маркирующих стресс, а также комплекс признаков, вызванный верховой ездой, – все это позволяет характеризовать данное население как связанное с кочевным способом хозяйствования [Перерва, 2018, с. 85, 88].

Весь вышеприведенный перечень патологических состояний характерен для большей части ранних кочевников савромато-сарматского времени и средневекового кочевого населения Нижнего Поволжья.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Индивидуальные размеры и показатели черепов из погребений предскифского времени (IX–VII вв. до н.э.)

Table 1. Individual sizes and indexes of the skulls from the Pre-Scythian burials (9th – 7th centuries BC)

№ по Мартину и др.	Линейные размеры	1	2	3	4	№ по Мартину и др.	Угловые размеры	1	2	3	4
	пол	Ж.	М.	М.	М.	74	Угол альвеолярной части	80	78	81	
	возраст	20–30	Ст. 50	25–35	20–25	75	Угол наклона носовых костей	65	54	48	–
1	Продольный диаметр	178	189	181	184?	75(1)	Угол выступания носа	22	30	41	–
8	Поперечный диаметр	143	138	135	149?	43(1)	Биорбитальная ширина	94,5	100	101,5	–
17	Высотный диаметр (ba-br)	142	–	138	128?		Высота назиона над биорбитальной высотой	16,4	16,6	20	–
20	Ушная высота (ро-ро)	120	115	116	–	77	Назомаллярный	141,6	143,3	137	–
5	Длина основания черепа	102	–	104	–		Зигомаксиллярная хорда	–	100	99	–
9	Наименьшая ширина лба	94	98	103	102?		Высота subspinale над зигомаксиллярной хордой	–	23,5	23,2	–
10	Наибольшая ширина лба	117	119	118	114?	<Zm	Зигомаксиллярный угол	–	129,7	129,8	–
11	Ширина основания черепа	128	131	132	138?		Угол поперечного изгиба лба	134,4	140,2	136	151,5
Указатели											
12	Ширина затылка	108	112	115	121?	8:1	Черепной	80,3	73	74,6	81,0
25	Сагиттальная дуга	377	256	370	–	17:1	Высотноподольный	79,8	–	76,2	69,6
26	Лобная дуга	126	120	127	–	17:8	Высотнопоперечный	99,3	–	102,2	85,9
27	Теменная дуга	135	123	122	128	20:1	Высотноподольный от порион-порион	67,4	–	64,1	–
28	Затылочная дуга	116	113	121	110	20:8	Высотнопоперечный от порион-порион	83,9	–	85,9	–
29	Лобная хорда	113	111	114		9:8	Лобнопоперечный	65,7	71	76,3	68,5
30	Теменная хорда	116	110	109	119	9:43	Фронтально-малярный	93,1	89	91,1	–
31	Затылочная хорда	100	92	92	110	40:5	Выступания лица	92,2	–	90,4	–
40	Длина основания лица	94	–	94	–	48:45	Верхнелицевой	53,1	50,7	53,6	–
43	Верхняя ширина лица	101	110	113	115?	47:45	Общелицевой	81,5	–	–	–
45	Скуловой диаметр	130?	144	138	140?	52:51	Орбитный	81,7	75,6	66,7	–
46	Средняя ширина лица	–	103	97	–	54:55	Носовой	48,1	54,7	48,1	–
47	Полная высота лица	106		–	–	61:60	Альвеолярный	134	114	114,3	120,4
48	Верхняя высота лица	69	73?	74	69?	63:62	Небный	83,3	–	73,1	–
51	Ширина орбиты	41	45	45	–	SS:SC	Симотический	76,3	87,5	75	–
52	Высота орбиты	33,5	34	30	–	MS:MC	Максиллофронтальный	51,8	51,7	47,2	–
54	Ширина носа	25	29	25	19?	DS:DC	Дакриальный	62,4	76,3	65,6	–
55	Высота носа	52	53	52	–		Нижняя челюсть:				
60	Длина альвеолярной дуги	50	57	56	54	65	Мышечковая ширина	116	122	–	–
61	Ширина альвеолярной дуги	67	65	64	65	66	Угловая ширина	92	101	–	–
62	Длина неба	48	50	52	–	67	Передняя ширина	43,5	48,5	–	–
63	Ширина неба	40	–	38	43	68	Проекционная длина от углов	99	79	–	–
SC	Симотическая ширина	5,9	8	8	–	68(1)	Длина от мышечков	92	111	–	–

Примечание. 1 – Первомайский VII, курган 46, погребение 8; 2 – Первомайский VIII, курган 5, погребение 1; 3 – Мариновка, курган 1, погребение 17; 4 – Барановка I, курган 10, погребение 11.

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ по Мартину и др.	Линейные размеры	1	2	3	4	№ по Мартину и др.	Угловые размеры	1	2	3	4
SS	Симотическая высота	4,5	7	6	–	69	Высота симфиза	25,5	35	–	–
MC	Максиллофронтальная ширина	16,8	18	18	–	69(1)	Высота тела	26,5	30,5	–	–
MS	Максиллофронтальная высота	8,7	9,3	8,5	–	69(3)	Толщина тела	9,5	10,5	–	–
DC	Дакриальная ширина	17,8	19	23	–	70	Высота ветви	48	60	–	–
DS	Дакриальная высота	11,1	14,3	15,1	–	71a	Наименьшая ширина ветви	28,5	40	–	–
FC	Глуб. клыковой ямки	7,3	5,5	2,5	–	Описательные признаки					
Sub.NB	Высота изгиба лба	26,2	19	23	–	Форма черепа сверху	Pentag.	Ellips.	Sphaen.	Sphaen.	
	Высота изгиба затылка	24,6	26,3	26,7	–	Надпереносье	3	4	5	–	
Угловые размеры						Надбровные дуги	1	2	3	–	
32	Угол профиля лба от назиона	89	69	78	–	Наружный затылочный бугор	0,5	2	3	3	
	Угол профиля лба от глабеллы	84	63	68	–	Сосцевидные отростки	1	2	3	2	
72	Общий лицевой угол	87	84	89	–	Нижний край грушевидного отверстия	Anthr.	Fossa pr.	Fossa pr.	Anthr.	
73	Средний лицевой	89	86	92		Передняя носовая ость	3	2	4		

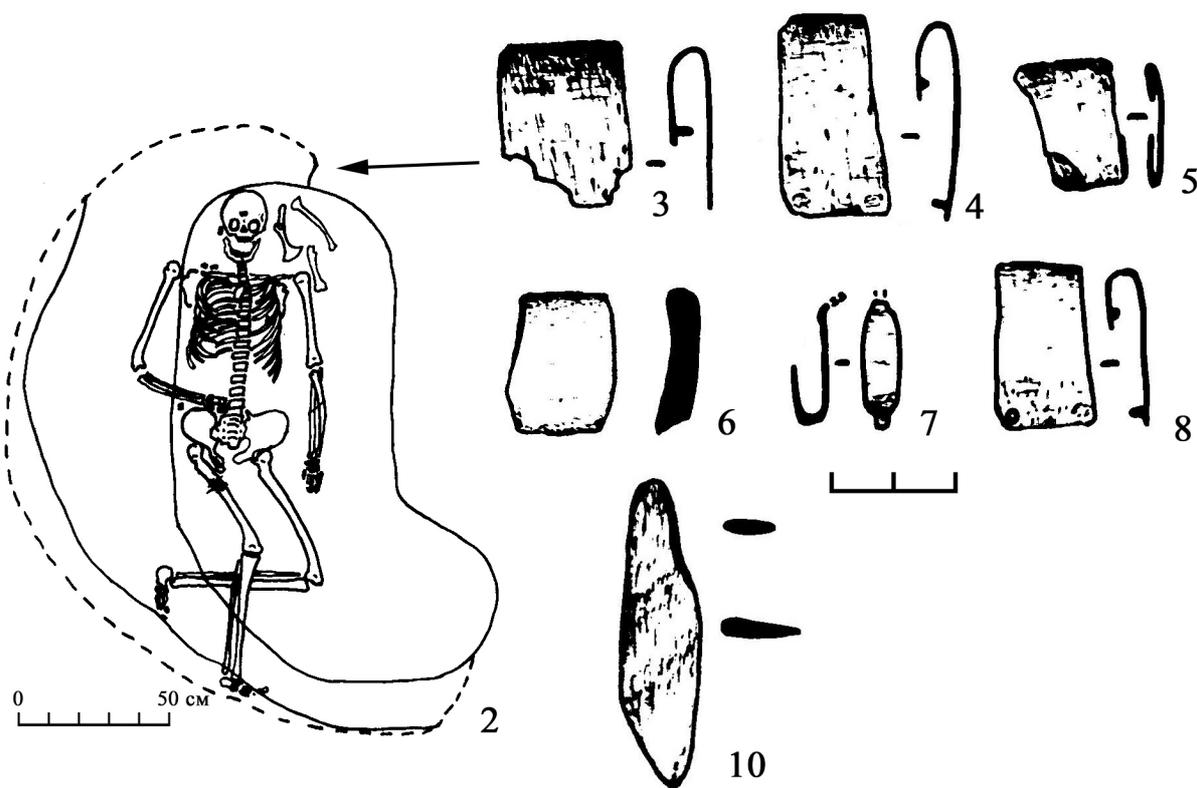
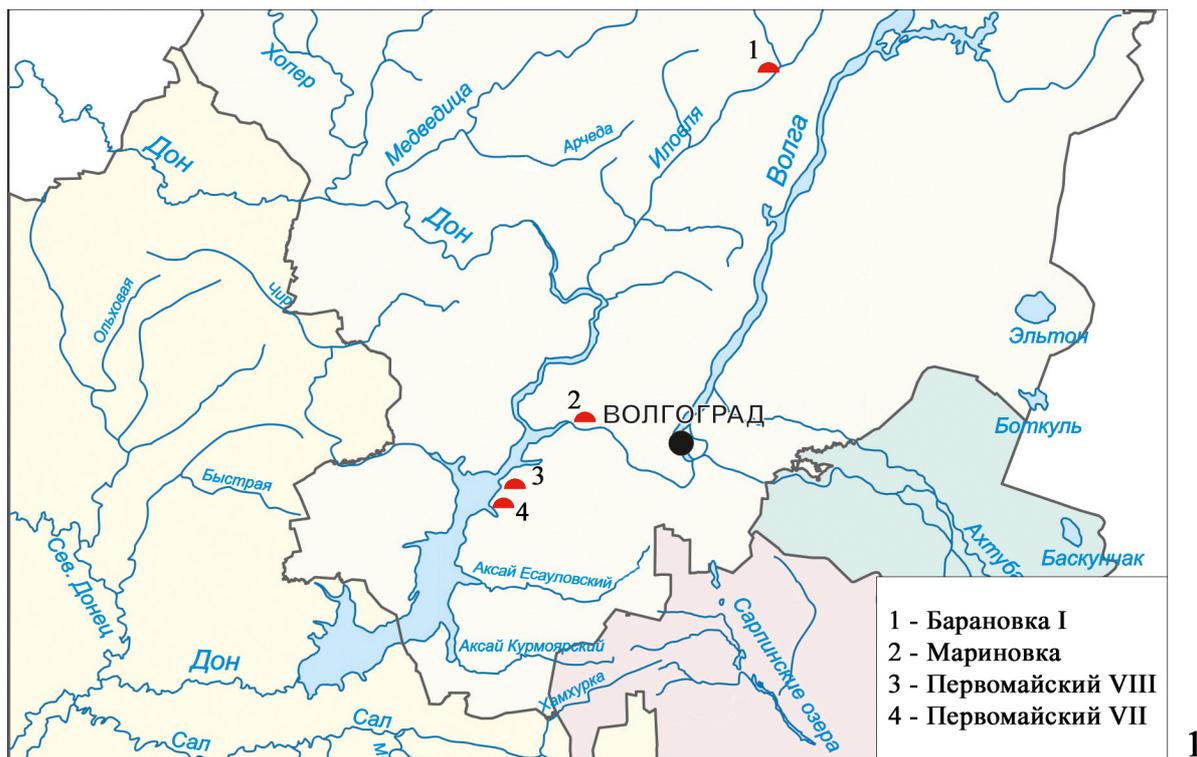

Рис. 1. Погребения предскифского времени в Волго-Донском междуречье:

1 – карта-схема расположения курганных могильников;
 2–10 – Мариновка, курган 1, погребение 17 (план погребения и инвентарь по: [Мамонтов, 1983])

Fig. 1. Pre-Scythian burials in the Volga-Don interfluvium:

1 – map of the kurgan cemeteries; 2–10 – Marinovka, kurgan 1, burial 17 (plan and inventory after: [Mamontov, 1983])

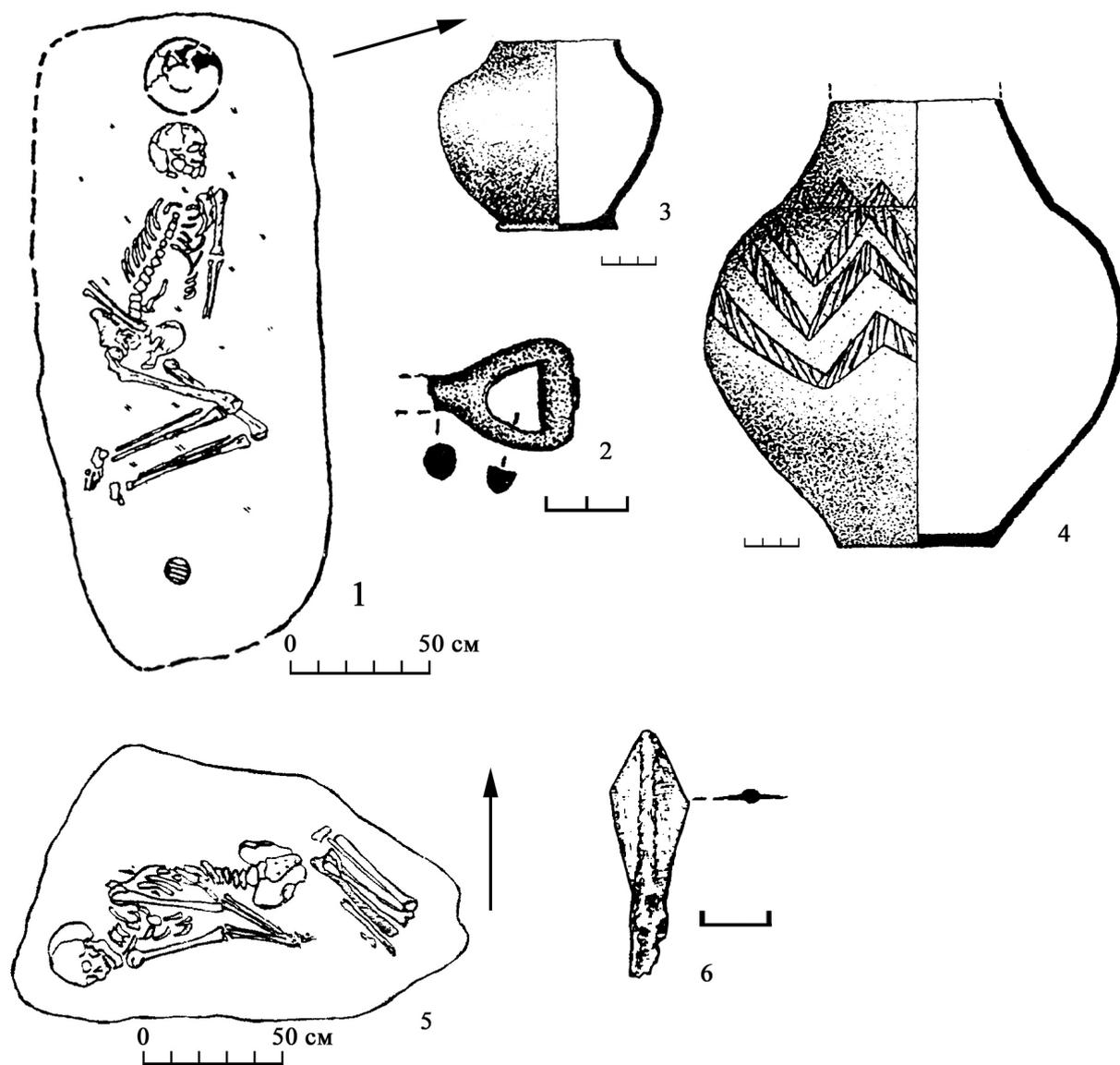

Рис. 2. Погребения предскифского времени в Волго-Донском междуречье:

1-4 – Первомайский VII, курган 46, погребение 8 (по: [Мамонтов, 2000]);

5-6 – Первомайский VIII, курган 5, погребение 1 (по: [Мамонтов, 2001])

Fig. 2. Pre-Scythian burials in the Volga-Don interfluvium:

1-4 – Pervomaysky VII, kurgan 46, burial 8 (after: [Mamontov, 2000]);

5-6 – Pervomaysky VIII, kurgan 5, burial 1 (after: [Mamontov, 2001])

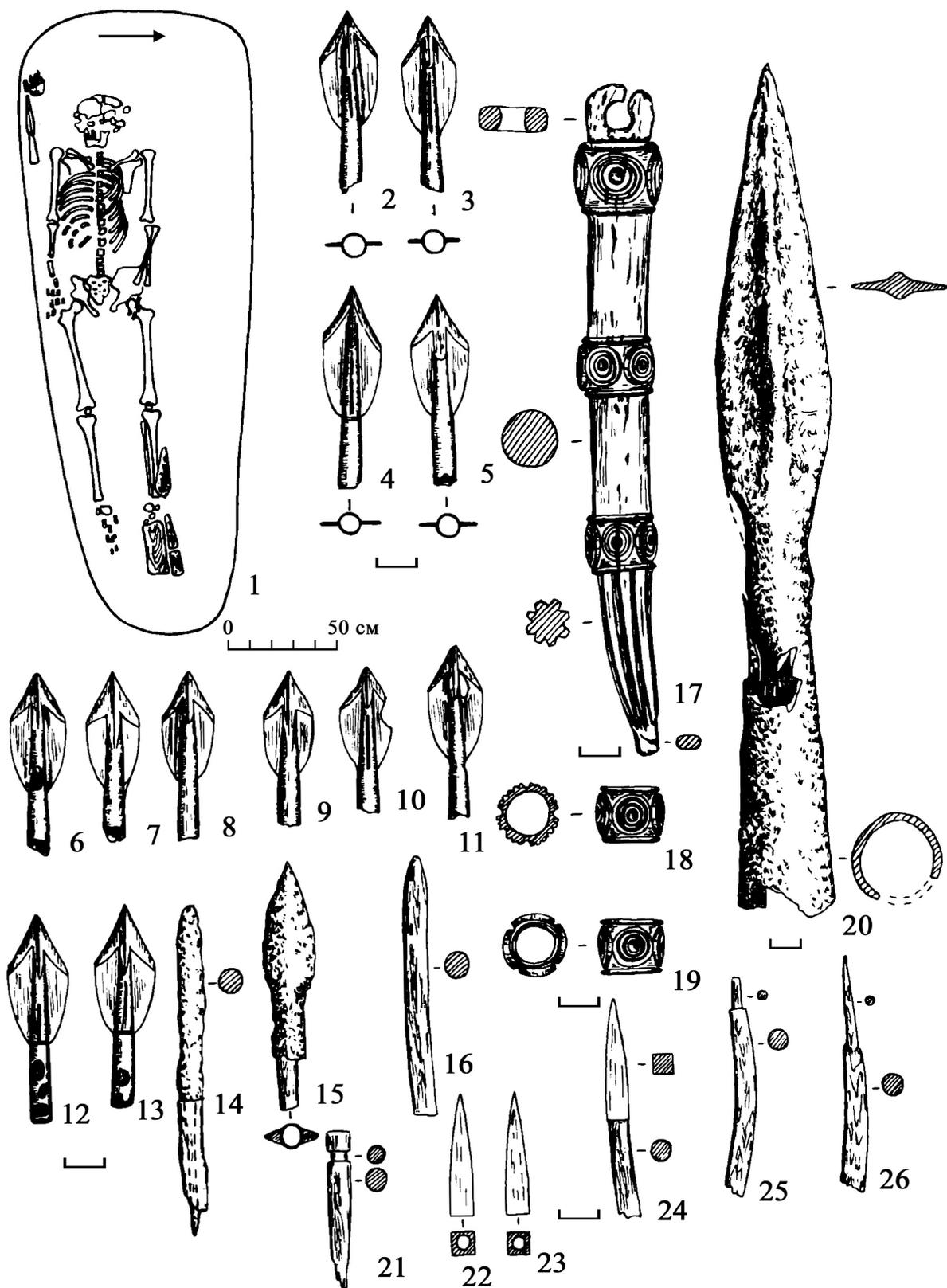

Рис. 3. Погребения предскифского времени в Волго-Донском междуречье:

1–26 – Барановка I, курган 10, погребение 11 (план погребения и инвентарь по: [Сергачков, 1991])

Fig. 3. Pre-Scythian burials in the Volga-Don interfluvium:

1–26 – Baranovka I, kurgan 10, burial 11 (plan and inventory after: [Sergatskov, 1991])

Рис. 4. Череп мужчины (25–35 лет) из погребения 1 кургана 17 могильника Мариновка
Fig 4. Male skull (25–35 years old) from the burial 1, kurgan 17, Marinovka burial ground

Рис. 5. Череп женщины (20–30 лет) из погребения 8 кургана 46 могильника Первомайский VII
Fig. 5. Female skull (20–30 years old) from the burial 8, kurgan 46, Pervomaysky VII burial ground

Рис. 6. Череп мужчины (старше 50 лет) из погребения 1 кургана 5 могильника Первомайский VIII
Fig. 6. Male skull (over 50 years old) from the burial 1, kurgan 5, Pervomaysky VIII burial ground

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия : Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Балабанова М. А., 2005. Антропология населения Восточноевропейских степей в предскифское время // II Городцовские чтения : материалы науч. конф. Труды ГИМ. Вып. 145. М. : ГИМ. С. 156–170.
- Балабанова М. А., 2018. Этногенетические связи ранних кочевников VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 3. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>
- Балабанова М. А., Пилипенко А. С., 2023. Два варианта культуры киммерийского времени: антропологический аспект // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 8–23.
- Батиева Е. Ф., 2011. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 160 с.
- Вальчак С. Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М. : Таус. 292 с.
- Вальчак С. Б., Мамонтов В. И., Сазонов А. А., 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир ; Москва : [б. и.]. С. 23–44.
- Ванчугов В. П., 1982. О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова Думка. С. 44–52.
- Дворниченко В. В., 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 170. С. 59–64.
- Дубовская О. Р., 1989. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // Советская археология. № 1. С. 63–69.
- Дубовская О. Р., 1994. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // Российская археология. № 2. С. 15–29.
- Дубовская О. Р., 1997. Плеть как возможный атрибут предскифских погребений // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. № 1. М. : ИА РАН. С. 57–61.
- Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир : Армавир. полиграфпредприятие. 405 с.
- Зазовская Э. П., 2016. Радиоуглеродное датирование – современное состояние: проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (32). С. 151–164.
- Зазовская Э. П., 2022. Отчет по договору НИР № 2022-01-1 от 01.02.2022 на тему «Радиоуглеродное датирование образцов костного материала и исследование изотопного состава углерода и азота в коллагене костей человека». М. 11 с.
- Китов Е. П., Мамедов А. М., 2014. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана : Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 352 с.
- Козинцев А. Г., 1988. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л. : Наука. 168 с.
- Круц С. И., 2017. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев ; Берлин : Видавель Олег Філюк. 202 с.
- Лукияшко С. И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 7. Азов : Азов. краевед. музей. 240 с.
- Мамонтов В. И., 1983. Погребения из курганов у пос. Мариновка Волгоградской области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев : Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. С. 155–164.

- Мамонтов В. И., 2000. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград : Изд-во ВолГУ. 194 с.
- Мамонтов В. И., 2001. Курганный могильник Первомайский VIII // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. С. 179–195.
- Махортых С. В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев : Шлях. 380 с.
- Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М. : Унив. кн. 272 с.
- Перерва Е. В., 2018. Антропология населения предсавроматского времени из подкурганных захоронений с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Genesis: исторические исследования. № 8. С. 81–93. DOI: <http://dx.doi.org/10.25136/2409-868X.2018.8.26917>
- Перерва Е. В., 2022. Кочевники раннего железного века (IX–VII и VI–IV вв. до н.э.): сравнительный анализ по данным палеопатологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27, № 5. С. 6–26. DOI : <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>
- Потапов В. В., 2000. Предскифские племена Восточной Европы // Донская археология. № 1 (6). С. 5–21.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г., 1978. Антропология. М. : Высш. шк. 528 с.
- Сергацков И. В., 1991. Погребение предскифского времени на Иловле // Советская археология. № 2. С. 240–244.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М. : Наука. 376 с.
- Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев : Наукова Думка. 223 с.
- Шарафутдинова Э. С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Свод археологических источников. В1-11. Ленинград : Наука. 128 с.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Anthropological Research Methodology]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Balabanova M.A., 2005. Antropologiya naseleniya Vostochnoyevropeyskikh stepey v predskifskoye vremya [Anthropology of the Population of the Eastern European Steppes in Pre-Scythian Times]. *II Gorodtsovskiy chteniya: materialy nauch. konf. Trudy GIM* [II Gorodtsov Readings. Scientific Materials Conferences. Proceeding of State Historical Museum], iss. 145. Moscow, State Historical Museum, pp. 156-170.
- Balabanova M.A., 2018. Etnogeneticheskiye svyazi rannikh kochevnikov VI–I vv. do n. e. (po materialam mogil'nikov Zapadnogo Kazakhstana, Yuzhnogo Priural'ya, Nizhnego Povolzh'ya i Nizhnego Dona) [Ethnogenetic Connections of Early Nomads in the 6th – 1st cc. BC (Based on the Materials of Burial Mounds of Western Kazakhstan, the Southern Cisurals, the Lower Volga Region and the Lower Don Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 3, pp. 37-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>
- Balabanova M.A., Pilipenko A.S., 2023. Dva varianta kul'tury kimmeriyanskogo vremeni: antropologicheskiy aspekt [Two Versions of the Cimmerian Time Culture: Anthropological Aspect]. *Regional'nyye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. pamyati A. S. Skripkina, g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g.* [Chronology Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023]. Volgograd, VolSU, pp. 8-23.
- Batieva E.F., 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of the Lower Don in the 9th Century BC – 4th Century AD (Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 160 p.
- Val'chak S.B., 2009. *Konskoye snaryazheniye v pervoy treti I-go tys. do n.e. na yuge Vostochnoy Yevropy* [Horse Equipment in the First Third of the 1st Millennium BC in the South of Eastern Europe]. Moscow, Taus Publ. 292 p.
- Val'chak S.B., Mamontov V.I., Sazonov A.A., 1996. Ranniye pamyatniki chernogorovskogo etapa v Vostochnoy Yevrope: proiskhozhdeniye i khronologiya [Early Monuments of the Chernogorovskiy Stage in Eastern Europe:

- Origin and Chronology]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh (Armavirskogo krayevedcheskogo muzeya)* [Historical and Archaeological Almanac (Armavir Museum of Local Lore)], iss. 2. Armavir, Moscow, pp. 23-44.
- Vanchugov V.P., 1982. O poyavlenii korchag v pamyatnikakh epokhi pozdney bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [On the Appearance of Pots in the Monuments of the Late Bronze Age of the North-Western Black Sea Region]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Archaeological Monuments of the North-Western Black Sea Region]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., pp. 44-52.
- Dvornichenko V.V., 1982. Pogrebeniya predskifskogo vremeni na Nizhney Volge [Burials of the Pre-Scythian Time on the Lower Volga]. *Kratkiye soobshcheniya Institutu arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], iss. 170, pp. 59-64.
- Dubovskaya O.R., 1989. K interpretatsii kompleksov tipa Novocherkasskogo klada [On the Interpretation of the Complexes of the Novocherkassk Hoard Type]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 63-69.
- Dubovskaya O.R., 1994. Lokal'nyye zony chernogorovskoy kul'tury (po materialam skorchennykh pogrebeniy) [Local Zones of Chernogorovka Culture]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 15-29.
- Dubovskaya O.R., 1997. Plet' kak vozmozhnyy atribut predskifskikh pogrebeniy [The Whip as a Possible Attribute of Pre-Scythian Burials]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Yevropy. Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii* [Monuments of Pre-Scythian and Scythian Times in the South of Eastern Europe. Materials and Research on the Archeology of Russia], no. 1. Moscow, IA RAS, pp. 57-61.
- Dudarev S.L., 1999. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Yevropy v predskifskuyu epokhu* [Relationships of the Tribes of the North Caucasus with the Nomads of South-Eastern Europe in the Pre-Scythian Era]. Armavir, Armavir polygraphpredpriyatie Publ. 405 p.
- Zazovskaya E.P., 2016. Radiouglerodnoye datirovaniye – sovremennoye sostoyaniye: problemy, perspektivy razvitiya i ispol'zovaniye v arkheologii [Radiocarbon Dating – Modern State, Problem, Prospects of Development and Use in Archeology]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 1 (32), pp. 151-164.
- Zazovskaya E.P., 2022. *Otchet po dogovoru NIR № 2022-01-1 ot 01.02.2022 na temu «Radiouglerodnoye datirovaniye obraztsov kostnogo materiala i issledovaniye izotopnogo sostava ugleroda i azota v kollagene kostey cheloveka»* [Report on Research Contract No. 2022-01-1 Dated 01.02. 2022 on the Topic “Radiocarbon Dating of Bone Material Samples and Study of the Isotopic Composition of Carbon and Nitrogen in Human Bone Collagen”]. Moscow. 11 p.
- Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [The Nomadic Population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age]. Astana, Branch of Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulana (Astana). 352 p.
- Kozintsev A.G., 1988. *Etnicheskaya kranioskopiya. Rasovaya izmenchivost' shvov cherepa sovremennoy cheloveka* [Ethnic Cranioscopy. Racial Variability of the Sutures of the Modern Human Skull]. Leningrad, Nauka Publ. 168 p.
- Kruts S.I., 2017. *Skify stepey Ukrainy po antropologicheskim dannym* [Scythians of the Steppes of Ukraine According to Anthropological Data]. Kyiv, Berlin, Vidavets Oleg Filyuk Publ. 202 p.
- Lukyashko S.I., 1999. Predskifskiy period na Nizhnem Donu [Pre-Scythian Period on the Lower Don]. *Donskiye drevnosti* [The Don Antiquities], vol. 7. Azov, Azov Museum of Local Lore. 240 p.
- Mamontov V.I., 1983. Pogrebeniya iz kurganov u pos. Marinovka Volgogradskoy oblasti [Burials from Mounds near the Village Marinovka, Volgograd Region]. *Kul'tury bronzovogo veka Vostochnoy Yevropy* [Cultures of the Bronze Age of Eastern Europe]. Kuibyshev, Kuibyshev State Pedagogical Institute named after V.V. Kuibyshev, pp. 155-164.
- Mamontov V.I., 2000. *Drevneye naseleniye levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII)* [Ancient Population of the Left Bank of the Don (Based on Materials from the Pervomayskiy VII Cemetery)]. Volgograd, VolSU. 194 p.
- Mamontov V.I., 2001. Kurgannyi mogil'nik Pervomayskiy VIII [Barrow Cemetery “Pervomayskiy VIII”]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 4, pp. 179-195.
- Makhortykh S.V., 2005. *Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya* [Cimmerians of the Northern Black Sea Region]. Kyiv, Shlyakh Publ. 380 p.
- Movsesyan A.A., 2005. *Feneticheskiy analiz v paleoantropologii* [Phenetic Analysis in Paleoanthropology]. Moscow, Universitetskaya Kniga Publ. 272 p.

- Pererva E.V., 2018. Antropologiya naseleniya predsavromatskogo vremeni iz podkurgannykh zakhoroneniy s territorii Nizhnego Povolzh'ya (paleopatologicheskiy aspekt) [Anthropology of the Population of the Pre-Sauromatian Period from Burial Mounds from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies], no. 8, pp. 81-93. DOI: <http://dx.doi.org/10.25136/2409-868X.2018.8.26917>
- Pererva E. V., 2022. Kochevniki rannego zheleznogo veka (IX–VII i VI–IV vv. do n.e.): sravnitel'nyy analiz po dannym paleopatologii [Nomads of Early Iron Age of 9th – 7th and 6th – 4th Centuries BC: Comparative Paleopathology Data Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 27, no. 5, pp. 6-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>
- Potapov V.V., 2000. Predskifskiye plemena Vostochnoy Yevropy [Pre-Scythian Tribes of Eastern Europe]. *Donskaya arkheologiya* [Don Archeology], no. 1 (6), pp. 5-21.
- Roginsky Ya. Ya., Levin M.G., 1978. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 528 p.
- Sergatskov I.V., 1991. Pogrebeniye predskifskogo vremeni na Plovlе [A Pre-Scythian Burial on the Plovl'ya River]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 2, pp. 240-244.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty* [Sauromats]. Moscow, Nauka Publ. 376 p.
- Terenozhkin A.I., 1976. *Kimmeriytsy* [Cimmerians]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 223 p.
- Sharafutdinova E.S., 1980. *Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobyakovskaya kul'tura)* [Monuments of the Pre-Scythian Period on the Lower Don (Kobyakovskaya Culture)]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, B1-11. Leningrad, Nauka Publ. 128 p.

Information About the Authors

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Alexander N. Dyachenko, Researcher, Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Информация об авторах

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Александр Николаевич Дьяченко, научный сотрудник лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>